

Пелевина Катерина

Пропасть между нами

«Литнет»

2025

Катерина П.

Пропать между нами / П. Катерина — «Литнет», 2025

Варя: О чём говорит Ваша первая любовь? Доносится ли её эхо до сердца? Берedit Ваши раны? Для меня такая обернулась изменениями и холодом. Однако жизнь не стоит на месте, и после того, как я рассталась со своим первым парнем Даней из-за его предательства, благополучно вышла замуж и родила сына. Однако призрак моей первой любви никогда не покидал мои мысли даже через время. Это была та самая боль, которую было далеко не спрятать, особенно, если всё время вспоминать...Даня: Я пытался её забыть, женился, думал, что перешагнул эту адскую дурную зависимость, которая заставляла сердце в груди ныть и роптать от боли. Что бы в моей жизни не происходило, я вспоминал свою первую любовь и её предательство. Но в один из дней я встретил свою Ледышку снова, и весь мой мир вновь перевернулся с ног на голову...#неидеальные герои, #хэ, #бывшие, #первая любовь, #от ненависти до любви, #запретные чувства Содержит нецензурную брань

© Катерина П., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава 1.	6
Глава 2.	9
Глава 3.	14
Глава 4.	19
Глава 5.	22
Глава 6.	24
Глава 7.	26
Глава 8.	29
Глава 9.	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Пролог

Варвара Фоменко (Ледышка)

Это был июнь 2024. Жаркий, неприятный, отталкивающий месяц, как мне казалось. За столько лет я так и не полюбила это время года. Тем более, в Новороссийске, где теперь жила. И большую часть своего времени я проводила дома за бокалом сухого красного и очередной своей книгой, пока супруг был в бесконечных рабочих разъездах. Мне нравилось это, никто не напрягал меня. Не нервировал и не раздражал длительным присутствием. И самое главное – я занималась любимым делом. Играла в оркестре виолончелистов и выступала сольно. Моё имя было на слуху. Мы очень часто ездили куда-то с концертами. Камерный оркестр филармонии «Девора». Так нас называли.

За счёт такого образа жизни мне удавалось быть собой. Даже будучи в браке. Ведь я была крайне замкнутой и холодной.

Нашему с Димой сыну Игорю на тот момент было уже семь лет. Ребёнок, что родился вопреки здравому смыслу. Потому как ни один из нас не был готов к таким переменам. Но я быстро адаптировалась к любой «проблеме». И на момент того, как я узнала, что беременна от Димы, шёл уже четвёртый месяц моей беременности. Месячные вопреки всем законам анатомии шли до пятого, и это послужило подставой в варианте моей истории, а, точнее, права выбора. Аборт было делать поздно и опасно. Но отдавать ребёнка в детский дом я не хотела. А со временем и вовсе полюбила своё дитя. К семи годам Игоря между нами сохранялись дружеские отношения. Я слушала своего ребёнка и одобряла его лидерские качества. Во многом шла на поводу у сына, разрешала то, что запрещал отец. И очень много времени мой ребёнок проводил в дорогуших особняках моих родителей Фоменко или Олейник, к клану которых относился мой супруг.

Богачи и аристократы, мы быстро спелись и оба понимали, что наш брак не несёт любви, а лишь статус, который оба пытались сохранить. Любые чувства я оставила в прошлом, ведь прекрасно помнила к чему таковые приводили. Одна моя первая оплошность в подобных привела к краху моего личностного «я». А это было недопустимо. Отныне всё это было под запретом – влюблённость, любовь.

Холодный расчёт – вот, что было важно. Даже любовь к сыну пугала меня, потому что это значило лишь одно – кто-то может воспользоваться этим уязвимым местом. Ранить, обидеть, отнять. Имя первой любви в захоронениях моей памяти было строго под запретом. Я никогда не интересовалась его жизнью. Не вспоминала и не знала, чем закончилась его история...

Глава 1.

Варвара Фоменко (Ледышка)

– Слушай, я понимаю, что ты не можешь, но это такой шанс, что тебя, блин, останавливает?! – ноет в трубку мой коллега и по совместительству лучший друг Ромка.

– Я занята, уже сказала. О таких концертах сообщают заранее, – категорично говорю, отмечая кое-что в своём блокноте.

– Да? И чем? Снова бухаешь и смотришь «Линкольн для адвоката»? – растягивает он губы в недовольстве. – Я знаю, что Игорь у Олейников, а Димон в Москве! Хватит тупить!

– Нет, у меня встреча с подругой, – аргументирую я, пытаюсь увильнуть от разговора и спрыгнуть.

– У тебя нет подруг, я – единственный твой друг, и то ты меня таковым не считаешь. Прекращай! Нам нужно выступить там, это огромный шанс. Они спонсоры, Варя! – уговаривает он меня, чем неимоверно бесит. Просто до трясучки раздражает. – Варваааара Николавна!

– Я говорила, что ненавижу тебя? – спрашиваю, таким образом соглашаясь.

– Да, постоянно. Заеду в семь. Оденься посексуальнее, – хохочет он, сбросив трубку.

– Придурок! – выкрикиваю я на прощание, уже слушая гудки и уставившись на себя в зеркало.

До семи ещё три часа, и я всё же заставляю себя выглядеть подобающе.

Чёрное, облегающее, приталенное платье до колен и с запахом. То, что мне нужно, чтобы удобно держать виолончель. Вполне приемлемое декольте. Короткий рукав. Волосы собраны в аккуратный колосок. Высокие каблуки и яркий макияж.

Когда за мной приезжает Ромка, я буквально «сияю» от недовольства. Просто потому что обожаю вредничать.

– Лицо попроще, и будет в самый раз! – улыбается он, открывая мне дверцу своего авто.

– От тебя другого и не ждала, – подъезжаю я в ответ. – Это далеко?

– В «Walnut Room», – показывает он мне зубы.

– Что?! Ты с ума сошёл? Это же в Анапе! – бунтую я, выпучив глаза.

– Тут час езды. Успокойся уже. Я довезу тебя без проблем. Ну, Варя, блин, – хмурит он лицо. – Из двенадцати человек, вы с Тохой, как всегда, всех бесите.

– Не сравнивай меня с ним! – дерзко отвечаю, разозлившись.

– Тогда не будь как он! – нервно произносит он в ответ.

– Ладно, твоя взяла. Поехали уже, – говорю я, присаживаясь в машину.

Через полтора часа езды мы уже стоим в том ресторане. Огромные колонны, живые цветы, яркое освещение, фонтан в центре зала.

– А оформление действительно впечатляет. Кто организатор? – спрашиваю, уставившись на кучу народа, что толпятся вокруг.

– О-о-о я не сказал? Это самое интересное! Медведев Антон Геннадьевич! – восторженно заявляет он, не скрывая своей радости.

– Ого, ну теперь понятно, почему настолько вычурно, – отчеканиваю я напряженно.

– Теперь понимаешь, почему всё должно быть идеально? Если выгорит, мы всегда будем играть на его мероприятиях, – говорит Ромка, одухотворенный такой новостью.

– Кто все эти люди? – спрашиваю я, осматривая зал.

– Акционеры, бизнесмены, благотворительные фонды, да и просто посетители ресторана, тут и таких полно, ты же знаешь, чтобы забронировать здесь место, нужно полгода стоять в очереди, – говорит он, усмехнувшись. Ромка, что называется, связующее звено. Впереди планеты всей, всегда обо всём договаривается. С ним наш оркестр прославился и стал известным. Нас стали везде приглашать, и мы зарабатываем довольно неплохие деньги, но я делаю это в

первую очередь для души. Музыка – моё всё. Хотя я и интроверт, для меня быть в центре внимания сложно, но приходится, как музыканту.

– Да уж, хотя, можно поесть дома в тишине, – блаженно говорю я, мечтательно выдохнув.

– Ты – сумасшедшая душнила, – смеётся надо мной Ромка. Он никогда меня не понимает.

– Нет, я рациональная. Ничего не принесёт тебе такого удовольствия, как вечер проведённый в одиночестве, наедине со своими интересами, – подмечаю я, вглядываясь в незнакомые лица, от которых меня реально передёргивает.

– А как же общение? Любовь? Как муж живёт с тобой столько лет? – издевается друг, щёлкнув меня по носу. Терпеть не могу, когда он так делает.

– В том то вся и прелесть – мы редко видимся. Кроме того, мне не нужен другой человек, чтобы чувствовать себя полно...цен...но, – смотрю в конец зала, пошатнувшись. И всё, что было внутри меня внезапно исчезает – стержень, сила, уверенность. Только лютая безмерная боль, проникающая внутрь моей души, вновь даёт о себе знать, стоит присмотреться.

– Нет, не может быть.

– Что такое? Знакомые? – спрашивает он, придерживая меня за локоть.

– Нет, вовсе нет, – поворачиваюсь я к нему лицом, спрятавшись от толпы. – Когда там уже мы?

Я хочу скорее выступить и уехать домой отсюда. И у меня кружится голова от страха. Просто убежать уже поздно. Я справлюсь. Я столько лет его не вспоминала. К чёрту его. Не хочу видеть больше никогда! Что он вообще здесь забыл???

– Скоро, через десять минут нужно занять места, – указывает он пальцем на стулья в середине.

– Поняла, ладно, я отлучусь в дамскую комнату, – удаляюсь я в сторону коридора.

На секунду мне думается, что просто померещилось. С кем не бывает? Да, я не видела его десять лет. Это априори невозможно. Но почему показалось именно сейчас, ведь я о нём не вспоминала. В груди неприятно саднит. Но нужно безупречно отыграть партию и уехать отсюда с гордо поднятой головой.

Я выхожу и сажусь возле выхода, как отщепенец, дожидаясь, когда нас пригласят на сцену. Чтобы ни с кем не контактировать и не дай Бог не напороться на бывшего в толпе. Но неожиданно...

– Это моё место, – слышу до ужаса знакомый голос. Боль в мгновение концентрируется посередине грудной клетки. Чуть левее. Не может быть. Разве там ещё есть сердце? Я много раз представляла, что будет в этот самый момент, и мне всегда казалось, что я просто без эмоций поздороваюсь или молча уйду, но сейчас я ощущаю яркое желание выплеснуть накопившийся внутри яд. До сих пор внутри всё горит.

– Да что ты? Найди другое, – категорично отрезаю, отвернувшись к центру зала.

Он смотрит на меня с осуждением, я этот взгляд чувствую даже не глядя, ненавижу его. В груди жжёт, а в висках отстукивает. Но разве это может быть правдой спустя столько лет? Нет, жизнь реально играет со мной. Так не бывает.

– И не подумай, ледышка, – нагло присаживается он рядом, скрестив на груди мощные руки.

«Ледышка»... У меня в момент внутри всё цепенеет, услышав это прозвище, коим меня когда-то нарёк именно он.

Закатанные на тёмно-синей рубашке рукава оголяют загорелые мужские предплечья, которые явно не находились без дела в повседневной жизни. Вены, жилы, в другой жизни я бы могла любоваться этим вечно, но явно не сейчас. Сейчас я хочу, чтобы его сердце в груди перестало биться. Какая же я жестокая!

– Викторов, проваливай! – резко отрезаю, отпивая бокал с шампанским. Искра вспыхивает.

Глаза встречаются в безмолвном отчаянии. Отчего-то моё сердце колотится быстрее.

– А ты не изменилась, всё также топчешь людей, перешагиваешь их, как грязь или мусор, – с недовольством заявляет Даня, чуть ли не дёргая бровью от напряжения. От этих его слов моя кожа на щеках розовеет. И мне хочется вмазать ему оплеуху, но как это будет выглядеть на концерте? Как он вообще смеет? После всего...

– Ты и есть грязь. Пятно, которое назойливо въелось в манжеты белой рубашки и портит весь внешний вид, – сухо отрезаю я, продолжая ждать объявления нашего оркестра. Я понятия не имею, какого чёрта он сюда припёрся. Как вообще из миллиона вариантов мест мы могли встретиться именно здесь и сейчас, куда я и ехать то не хотела. Судьба точно издевается надо мной.

– Что ж... Попробуй белизну, может, получится, – цедит он сквозь зубы, отвернувшись к сцене. – Хотя, вряд ли такой, как ты, известно, как ею пользоваться.

– Да пошёл ты, Виктор! – резко встаю с места и направляюсь к Ромке. Ему меня явно не сломить. Не на ту напал. Козёл.

– Взаимно, Фоменко, – рывкает он в ответ, допивая мой бокал залпом...

Глава 2.

Варвара Фоменко (Ледышка)

Что я умею делать – так это абстрагироваться во время игры на виолончели. Душа уходит в пятки и сидит там, покуда смычок находится в моих ледяных руках. Каждое движение мастерски отточено, наша игра не просто впечатляет, как говорят другие – она лечит, даже моё израненное сердце. И за всей ненавистью друг к другу впервые в жизни я словно играю для него. Сама не знаю, почему.

Мелодия жёсткая, сильная, интригующая. И он сидит в зале, будто плясая только на меня. Словно я держу его на коротком поводке, но нет. Мне плевать, останется ли он. Быть может, я и сука, но сука талантливая. И делаю, что умею. Не желая отвлекаться на всякий сброд в виде Викторова и воспоминаний о нём.

Мы играем около сорока минут, и по окончании все начинают очень громко аплодировать нам, Ромка приобнимает меня, и краем глаза я вновь замечаю взгляд Дани на себе, в полной мере его ощущаю и неприятно ёжусь на месте, будто от холода.

– Ура, мы сделали это! – улыбается Ромка, глядя на восторженную толпу. – А ты не хотела ехать. Смотри, бедовая!

Когда речь идёт о концертах, он всегда выглядит на миллион долларов, улыбается, как голливудский актёр, не иначе, и смокинг смотрится на нём просто идеально.

– Да уж, – мямлю я себе под нос, разочарованная такой нежеланной встречей. Всё о чём могу думать, так это он. И меня из-за этого коротит.

– Что-то случилось? Ты снова какая-то дёрганная, – подмечает он, спрашивая через звуки хлопков и возгласы.

– Нет. Всё нормально, – отрезаю я. – Это всё? Мы поедем или тебе ещё нужно поболтать с Антоном Геннадьевичем?

Спрашиваю я с укором, ведь надеюсь скорее оказаться дома.

– Естественно, нужно. Если он доволен, то надо обсудить детали. А вот и он. Побудешь в зале недолго? – спрашивает он, убегая в сторону и оставляя меня одну, я даже ответить не успеваю, но решаюсь затеряться где-нибудь в толпе, чтобы только не видеть Даню.

Однако, откуда ни возмись, ко мне подкрадываются какие-то люди и начинают восхвалять мой талант. И всё дело в том, что из двенадцати человек, я – единственная женщина. Но меня бесят эти стереотипы. Словно по логике других, я должна была выбрать инструмент полегче.

– У Вас превосходно получается, несмотря на то, что Ваши руки такие хрупкие, – говорит один из мужчин, заставляя меня ещё сильнее стиснуть зубы.

– Талант – дело врождённое, – подмечает другой. Более умный.

– Это понятно, но такой огромный инструмент в руках нежной девушки кажется чем-то неестественным, – продолжает первый.

Я уже хочу уйти, но внезапно ощущаю, что сзади кто-то стоит и дышит мне прямо в затылок.

– Нежная девушка только кажется такой нежной, на деле она очень сильная и грубая, так ведь, Варвара Николаевна, – звучит его бесячий тон, и я отодвигаюсь в сторону, словно ужаленная.

Но замечаю неподалёку Ромку со своим покровителем, ради которого мы все сюда приехали.

– Данил Александрович любезно предоставил нам лучший загородный дом для всей семьи, так что я задержусь здесь ещё на несколько дней. Обычно я не люблю гостиницы, поэтому еду один, чтобы не мучить семью, но, раз выпала такая удача, а детям нравится на

море, мы решили остаться на все выходные и продолжить банкеты, – сообщает Антон Геннадьевич, а Ромка внезапно толкает меня в бок локтём.

– Это значит мы будем играть и завтра, и послезавтра. Ты не представляешь, сколько это денег, – шепчет он мне на ухо. Словно мне есть дело на денег... Ни одни деньги мира не стоят таких унижений.

– Да мне плевать, я не буду здесь играть, – сцепив зубы, выдаю я с жестоким взглядом.

– Поговорим позже, – неестественно улыбается он этому усатому мужику в костюме.

– Какие-то проблемы? – встревоженно спрашивает он у моего друга.

– Нет, что Вы, никаких. Как штык в 20:00 наш оркестр к Вашим услугам, – услужливо произносит он, касаясь ладонью моего локтя. Вот ведь.... Зараза...

– Что ж, это прекрасно. Извините меня, мне нужно отойти, – он достаёт телефон из кармана и отходит. – Да, любимка, я слушаю...

– Ты вообще себя слышишь? Жалкое зрелище! – рявкаю я Ромке, отодвинувшись в сторону. – Унижаешься перед ним, как щенок какой-то!

– Да ты чего заладила? Ты посмотри, как много здесь известных людей! Все в восторге, даже Тоха согласился! А ты снова начинаешь! Варвара Николаевна, у тебя что, ПМС?! – разгневанно спрашивает Ромка, превышая допустимые децибелы. И я мечтаю его ударить.

– Заткнись! – выпаливаю, и случайно задеваю глазами Даню, а он продолжает стоять неподалёку и сверлить меня странным пристальным взглядом. Ему что здесь мёдом намазано? Он специально?

– Всё, можешь идти к машине, я сейчас догоню тебя, не обижайся, – ласково молвит Рома и направляется забирать наши виолончели и смычки со сцены.

– Вижу, ты не только меня бесишь, – ехидно произносит Виктор, подкрадываясь сзади.

– Ты ещё здесь? – направляюсь я к выходу, а он внаглую следует за мной. Звук каблучков звучит на весь ресторан, заставляя даже меня саму нервничать, отсчитывая шаги. Словно я вот-вот завалюсь в обморок.

– Как сложилась твоя жизнь? – задаёт он вопрос, и я останавливаюсь, замерев возле двери. Тяжёлый выдох, кажется, слышен на весь холл первого этажа. А то, что внутри и озвучивать не берусь... Месиво.

– Моя жизнь?... Моя жизнь... – произношу я, задумавшись. – Уж явно лучше, чем твоя.

Мои глаза горят огнём. Сверкают ненавистью. Воспоминания надгробной плитой прижимают меня к кафельному полу длинного коридора.

– Да ладно? Где я показал, что так обделён? Мы знакомы. Нам придётся общаться, как ты уже поняла. И я просто пытаюсь быть твоим собеседником, – прерывает он мой нервный тон.

– Я избавлю тебя от этого одолжения. Мы можем совершенно не общаться. Всего тебе доброго, – разворачиваюсь я на месте, открыв дверь, и выхожу на воздух, вдохнув полной грудью прохладные пары ветра. Но он вдруг выходит за мной.

– Слушай, Варь, я не хотел тебя обидеть. На самом деле, я рад, что ты многого добилась, стала такой известной, и не за счёт родителей, как и хотела всегда... И ты действительно заслуживаешь этого, ведь прекрасно играешь, – пытается он залезть под кожу, как и всегда. Это ведь было для меня так важно. Сепарироваться от них, чтобы добиться чего-то самой, а не на их заработанные деньги.

Но я непреклонна. Обида не прошла. Злость и ненависть сидят на подкорке. Меня трясёт от его общества. От ощущения, что мы с ним так близко и одновременно словно на разных планетах.

– Данил, не знаю, что ты себе надумал, но скажу в первый и последний раз – держись от меня подальше. У меня есть муж и ребёнок. И лучше бы тебе вообще не попадаться мне на глаза, – сурово чеканю я, почти вплотную надвигаясь на него.

– Так ведь и у меня есть любимая супруга и двое детей, неужели ты думала, что я имел в виду что-то такое? Пфффф. Брось, – прерывает он мой порыв. – Я просто хочу обозначить, что мы можем не ненавидеть друг друга.

Я совершенно растерянно хлопаю глазами. Наверное, в глубине души мне хотелось, чтобы он ползал передо мной на коленях. Чтобы сказал, что не мог забыть меня одну, и что его жизнь не сложилась. Но он вновь разбивает моё сердце на части своим таким заявлением. Любимая жена. Двое детей. Естественно, такой, как он, не мог не жениться. Наверняка, его жена сладко приторный сироп в его жизни. Как же дико болит.

Я разворачиваюсь к нему спиной от услышанного и подхожу к машине, тяжело выдохнув. Чувствую напряжение и острую боль. Из ресторана следом выходит и Ромка, обвинив Даню со стороны и открыв для меня дверь авто.

– Присаживайся, дорогуша, – говорит он, улыбнувшись. И я вдруг наклоняюсь к его уху и еле слышно произношу сквозь зубы:

– Схвати меня за задницу. Быстро.

И глаза Ромки чуть не вылезают из орбит, но, слава Богу, он быстро соображает.

Его ладонь тут же ложится на гладкую ткань моего платья и скользит по ягодицам, бесперомонно смяв их у Дани на глазах. Буквально через несколько секунд следом слышится звук колокольчика от двери. Он ушёл... Слава Богу...

– Что это вообще было?! – спрашивает Ромка, уставившись на меня. – Это что, твой бывший что ли?

– Неважно, поехали, – говорю я, тяжело выдохнув и присаживаюсь в чёрный линкольн.

Весь последующий вечер я провожу в одиночестве. Приготовила себе джакузи с пеной, налила бокал вина и смотрю какой-то неинтересный ужастик по домашнему кинотеатру, а ближе к 22:00 мне звонит сын.

– Привет, мам! – восторженно произносит малыш, и я тут же смягчаюсь, слыша его родной голос.

– Сынок... Как ты? – спрашиваю гнусавым тоном, будто весь вечер сдерживала слёзы. Хотя нет... Я уже рыдала.

– Мам, всё в порядке? У тебя странный голос, – подмечает он, удивившись. Всегда всё чувствует.

– Да, просто читала кое-что, – лгу я. – Как твои дела? Ходили с бабушкой на рыбалку?

– Да...

Он рассказывает, как прошёл его день, и я взапой слушаю его, интересуясь каждой деталью. Разговор с ним поднимает мне настроение. Я знаю, что завтра мне снова предстоит увидеть чёртового Даню, но надеюсь, что после сегодняшнего он ко мне больше не подойдёт.

На следующий день я встаю раньше обычного и направляюсь в салон красоты, потому что хочу выглядеть на все сто. Чёрное блестящее платье в пол на тонких бретелях с огромным вырезом на бедре, босоножки на высоком каблуке с ремешками, переплетающимися над лодыжкой, как никогда сочетаются с тем, что сделали стилисты. Крупные выющиеся до самой поясницы локоны, броский макияж со сливовыми губами, и я совсем не выгляжу на свои почти тридцать лет. Ни одной морщины, ни одного лишнего сантиметра в талии. Идеальные пропорции и белоснежная кожа. Как же я себя обожаю. И ничего не заставит меня сомневаться в своей красоте и стати. Плевать!

Когда Ромка приезжает, у него отвисает челюсть.

– Так... Это точно был твой бывший! Охренеть, дорогуша! – кричит он, уставившись на меня. – Я, честно, в ахтунге! Чего ты добиваешься? Сможешь держать виолончель в таком виде?!

– Конечно смогу, – резко отвечаю я, присаживаясь на переднее сидение рядом с ним.

– Куда это ты?! Всегда ездила сзади, а тут решила отвлекать меня всю дорогу. Я же буду пилиться на твои ноги, и мы попадём в аварию, – смеётся он, сморщив брови. Дурак.

– Я могу вообще не ехать, выбирать тебе, – дерзко отрезаю я, глядя стеклянным взглядом.

– Ладно-ладно, ты чего такая грубая?! – пристёгивает он ремень. – Чёрт, ну если этот мудака не пожалеет о том, что обидел тебя, я вообще не знаю ничего об отношениях.

– С чего ты взял, что он меня обидел? – спрашиваю я с напускным безразличием.

– Я умоляю тебя, дорогуша. Вы все одинаковы. Мстите из-за разбитого сердца. И мы реально жалеем, что поступили с вами так. Не знаю, что он конкретно сделал, но, если он не идиот, извинится перед тобой, – произносит он, заводя машину. А у меня от этих слов нутро выворачивает.

– Мне не нужны его извинения. Только страдания. Много страданий, – отрезаю я, уставившись в окно, и слышу его гогот.

– Так, я понял. А ты – само зло, Варвара Николавна!!!

Зал вновь полон гостей. Все уже встречают нас с распростёртыми объятиями и восторженными улыбками. Конечно, меня сразу же облепляют мужчины, но Рома стоит рядом, огораживая меня от такого пристального внимания. Ведь он знает, как мне важна опора в такие моменты. И он реально мой друг, но я, всё же, буду до конца ставить это под сомнение, чёрт возьми... Чтобы не забывался.

И вот, когда начинается очередной скучный и нудный разговор про Антона Геннадьевича и активы, мой взгляд устремился вдаль.

Я поверить не могу в то, что вижу, ублюдок притащил свою жену. Словно назло. Блондинка с красивой улыбкой. Милые черты лица, словно у куклы, сделанной на заказ. Постойте-ка... Какое знакомое у неё всё-таки лицо...

Ромка смотрит туда же и разочарованно встречает мой взгляд.

– Он что, привёл жену? Вот кретин, – отрезает он вслух, но я тут же хватаю бокал шампанского. – Эй, дорогуша, не налегай. После концерта, ладно?

Я успеваю отпить лишь три глотка, и он отбирает у меня бокал.

– Слушай, давай просто покажем ему, ладно? Ты посмотри на себя. Ты – совершенство! – продолжает он делать мне комплименты.

– Я знаю, что ты делаешь это для концерта. Но спасибо, – говорю я сдавленным голосом. – Пойду в дамскую комнату. Кажется, я покраснела. Тут душно.

На самом деле тут прохладно. Но я реально злюсь на него из-за того, что увидела. На нём серая рубашка и чёрные брюки с жилетом от костюма-тройки. Да, он возмужал. Мужское тело приковывает взгляд. А ещё эти дурацкие кудри, которые мозолят мне глаза. Всё, что между нами было тут же всплывает на поверхность.

Давно было пора забыть, выкинуть из головы, как страшный сон, но я не могу сделать этого. Ведь даже во время своих родов я думала не о муже, а о нём, чёрт бы его побрал!

И это так убого, так недостойно. Щёки всё ещё горят, я набираю в ладонь ледяной воды и, слегка мочу кожу, чтобы охладиться, взглянув в зеркало.

– Варя, просто иди туда, отыграй. Ещё два раза, и ты его больше никогда не увидишь, – шепчу сама себе в туалете.

Даже моё отражение смеётся надо мной. Однако, постепенно я успокаиваюсь и мои щёки вновь приобретают присущую бледность. Но стоит открыть дверь, как я натыкаюсь прямо на него, чуть ли не упав ему в руки.

– Бл...! – рывкаю я, одёрнув своё платье.

– Ну надо же, какая ты дёрганная. Чуть не сбила меня, и ни «извини», ни «я не хотела», одни маты, – произносит он, и меня всю трясёт, ведь он мог слышать то, что я говорила вслух

там. Мысли скачут в хаотичных движениях. То в одну сторону, то в другую. Лишь бы только это не оказалось правдой.

– Не стой под дверью и не подслушивай, – резко отрезаю я, направляясь к выходу.

– А ты что-то говорила? – смеётся он вслед.

– Ты нарываешься, Виктор! – топаю я каблуком. – Что тебе вообще нужно от меня? Ты что, следишь за мной? Не ходи за мной, не подходи ко мне, не трогай меня и не лезь в мою жизнь!

Только и успеваю я промолвить, как ощущаю его руку на своей талии, а тёплые, мягкие губы на своих. Какой кошмар... Сердце готово выпрыгнуть из груди. Всё вокруг плывёт, рассыпается, словно карточный домик. Что вообще он творит?

Я ощущаю, как близко он находится, внутри, под кожей, в грудной клетке, просто прижимая меня к себе, как тряпичную куклу, потому что от каждого нового движения я обмякаю ещё сильнее. Как же всё кружится... Господи, помоги!

И вдруг мои руки резко ударяют его в грудную клетку, и я смотрю на него круглыми глазами, вытирая свои губы, и не могу проронить ни слова. Мы дышим, как сумасшедшие на всю уборную, и я не понимаю, что вообще это было...

Но всё же беру себя в руки и выскакиваю оттуда в истерике.

Внутри разлом, голова не соображает. Пробежав мимо его жены, я вдруг чувствую, как это отвратительно, низко, недостойно. Мне даже становится её жаль, и я молча подхожу к Роме, вернувшись в тот самый круг людей, откуда ушла, и продолжаю стоять там, уставившись взглядом в одну точку. Плевать я хотела на его семью, у меня на безымянном пальце у самой кольцо, и я здесь совсем не для этого. Пора браться за ум...

Только вот о каком уме идёт речь, если отныне все мои мысли сконцентрированы на вкусе его бархатных, пухлых губ и руках, сжавшихся на моей талии... Грёбанный Даня Виктор. Я явно вновь проиграла, когда недооценила твоё влияние на себя.

Глава 3.

Варвара Фоменко (Ледышка)

Ромка догадывается, что что-то произошло, и, наклонившись к моему уху, тихо произносит:

– Малышка, у тебя помада размазалась, – на его лице появляется хитрая ухмылка, граничащая с удивлением.

Я тут же отворачиваюсь, судорожно пытаюсь вытереть подбородок, а он аккуратно проводит пальцем, стирая лишнее.

– Вот так, не благодари, – продолжает он, покачивая головой.

Мне стыдно, плохо и просто ужасно неприятно от сложившейся ситуации, ведь я даже не думала, что Даня так сделает, да ещё и неподалёку от жены, что ждала его в зале. Я ведь совсем не из таких и всегда осуждала подобное поведение. Но что мне было делать в этот раз, когда в такой ситуации оказалась я сама?

Ромка извиняется перед гостями и отводит меня в сторону, бережно взяв за плечи.

– Давно Димон звонил? – спрашивает он растерянно.

– Три дня назад, у него очень серьёзная сделка, и ему не до разговоров, – отвечаю я честно. – Это совсем не то, что ты подумал. Я не знаю, как так получилось, он сам набросился на меня. Я не успела среагировать.

– Ну да, конечно, ты не успела, – смеётся он в ответ на мои глупые оправдания. И ведь я сама понимаю, что они звучат по-идиотски.

– Я совершенно растеряна, Роооом, – тяну я, присаживаясь на стул, и он берёт меня за руки.

– Послушай, это нормально. Он не смог сдержаться, ты тоже не среагировала. Так бывает. Видимо, ваша история закончилась как-то неправильно или не до конца, – предполагает он, успокаивая меня. – Но тебе нужно быть сильной и думать о себе. И чуть-чуть обо мне, потому что мне нужна коллега, а не тряпка!

– Спасибо, Ромыч... Ты вот сейчас очень утешил, – киваю я, встав со стула. – О, блиин, спрячь меня от него!

Ромка вдруг осматривается, а перед нами, откуда не возьмись, уже появляется встревоженный Данил.

– Эй, друг, можно я... – указывает он на меня. – Буквально на секунду.

– Варь? – спрашивает Рома, но я качаю головой. Не хочу с ним больше разговаривать.

– Девушка не хочет тебя видеть, – отрезает в ответ на его просьбу.

– Слушай, Варь, я хотел извиниться и сказать, что ухожу. Прости, – торопится он сообщить это через Ромкино плечо и быстро направляется к выходу. Наверное, его уже там ждёт жена... Трус.

Я выдыхаю. Всё закончилось. Наконец-то. Завтра ночью я уеду к себе в Новороссийск и больше никогда не увижу его. На душе становится легче, но осознание того, что я ощутила, не даёт покоя.

Я ведь думала, что всё в прошлом. С мужем у меня не было ничего подобного, и мне кажется, что это и есть взрослая жизнь. Так где же эта моя взрослая жизнь рядом с Викторovým? Почему рядом с ним я вновь превращаюсь в безропотную, маленькую девчонку девятинадцати лет, учащуюся на первом курсе универа с красивым и дерзким мальчиком по имени Даня?

Выступление, вопреки переживаниям, проходит прекрасно, Антон Геннадьевич благодарит нас, и остаётся всего один день, чтобы вечером мы спокойно отдыхали дома, купаясь в

деньгах и славе, но внезапно он приглашает нас в загородный дом. Чтобы его дети и супруга тоже послушали нас. Я не верю своим ушам.

Я сразу же сказала Ромке, что поеду только в том случае, если там не будет этого придурка, и он уверяет меня, что так и будет.

И тем же вечером я ужасно напиваюсь. Всё начинается с шампанского после выступления, а затем я беру две бутылки в машину. Пью, блюю, плачу и рассказываю Роме всё, что пережила тогда из-за Дани.

– Слушай, подруга, это ужасно, – держит он мои волосы, пока из меня выходит всё, что я выпила. – Может, его брак не такой счастливый? Ну... Зачем ему целовать тебя иначе...

– Он просто издева... – закашливаюсь я, извергая лишнюю огненную жидкость.

– Тебе надо попить воды. Нахрен его, Варь. Завтра ты должна быть в норме. Оно не стоит того, чтобы из-за него ты ещё и испортила себе карьеру, – категорично заявляет Рома, протянув мне бутылку. – Пей и блюй.

– Ты прав, – беру я её и делаю глоток. – Ненавижу его.

– Я его уже тоже ненавижу, подруга, – поддерживает он меня, приобняв.

– Давай переспим, а... пожалуйста, – прошу его полумёртвым голосом, а этот придурок ржёт надо мной, словно мне и без того мало унижений.

– Дорогуша, я полуживых не трахаю. Кроме того, у тебя есть Димон. И ты бухая в говно, – подытоживает он, взяв меня на руки, и волочёт в машину...

Я открываю глаза дома только в двенадцать часов дня. На тумбе стоит вода, аспирин и таблетки от похмелья, в ногах – тазик. А на зеркале помадой написано: «В 18:00, с любовью, Ромашка».

– Блин... что вчера было, – роняю я голову обратно на подушку.

Мне вообще теперь не хочется никуда ехать, не хочется больше появляться в обществе этих снобов. А вспоминая губы Викторова на своих, меня тошнит ещё сильнее, но от страха, а не от отвращения. На секунду мне вдруг кажется, что это был лишь плод моего больного воображения. И его на самом деле там не было... Но нет.

Я смотрю в потолок и не шевелюсь, но рука сама ныряет под одеяло, потому что всё тело вновь напряжено. И я спокойно жила без секса и мастурбации неделями, но сейчас ощущаю в этом острую необходимость. И хорошо, что в тумбочке всегда лежит стимулятор, ведь иногда мужа нет дома месяцами. Это быстро избавляет от проблем. Но стоит мне коснуться себя, как я понимаю, что буквально вся мокрая. Настолько, что всё предательски скользит. Что мне снилось? Я не помню.

Минуты манипуляций, и я громку визжу, сводя вместе колени и задрожав. Чёрт... Мне впервые за последнее время хочется мужского тепла. Не всего этого, а ощущения, что я нужна кому-то. Я с трудом помню, что было вчера. Но знаю, что сболтнула Ромке лишнего.

Надев на себя обыкновенное коктейльное белое платье и босоножки на плоской подошве, я даже не крашусь. Лишь слегка выделяю губы бальзамом и поднимаю волосы в высокий хвост. К чёрту эту показуху, к чёрту элиту, и к чёрту самого Викторова!

Выхожу на крыльцо немного раньше обычного, дожидаясь машины Ромы, но его почему нет, хотя он, блин, всегда приезжает заранее. И внезапно прямо ко входу подъезжает подозрительный чёрный мустанг.

Я кошусь на него. Машина явно несколько мужицкая, грубая, агрессивная и дорогая. Какой шанс, что она подъехала за мной? Но внезапно тонированное окно опускается, а моё сердце тот час же направляется в пятки.

– Я знаю, ты сейчас дёрнешься, но... – не успевает он сказать, как я разворачиваюсь и начинаю уходить оттуда. Хватит этого цирка. – Варь, стой.

– Что тебе нужно?! Какого чёрта ты приехал?! Где Рома??? – возмущаюсь, уставившись на него в гнев.

– В том то всё и дело, я по его просьбе приехал. Он затемпературил, как и несколько ваших ребят, они остались дома. Он просит сыграть тебя сольно, говорит, только ты практикуешь, а Антон Геннадьевич ждёт этого как восьмое чудо света, – продолжает он уговаривать меня, – Пожалуйста, Варь. Я клянусь, что вчера это было ошибкой. Не знаю, что на меня нашло. Просто тебя все ждут.

Я не верю собственным ушам. Ехать куда-то с Викторовым в одной машине – это явно перебор. Какого чёрта Рома не предупредил меня? Я тяжело вздыхаю, внутри всё трепещет. Полтора часа...

– Ты подвезёшь меня и уйдёшь. Не будешь провоцировать. Не останешься там, – произношу я утвердительным тоном, и он кивает.

– Ладно.

Я сажусь в автомобиль и пристёгиваюсь, глядя в окно. Но уже заранее чувствую, что это большая чудовищная ошибка. Дорога точно будет долгой и неприятной.

Он буквально сразу включает фоном какую-то зарубежную альтернативную музыку, а мне вообще всё равно, что слушать, лишь бы только не слышать его голоса. Мой взгляд падает на открытые колени, и я оттягиваю платье ниже, чтобы как можно сильнее прикрыть их, на что Даня, естественно, не упускает возможности попялиться.

– Ты очень красивая сегодня. Такая... настоящая. Выглядишь очень молодо.

Я молчу. Во-первых, мне плохо, а, во-вторых, я совершенно не хочу с ним говорить.

– Когда я увидел тебя позавчера, не ожидал и, наверное, просто растерялся, но должен был извиниться за тот свой поступок...

– Послушай, мы – не друзья, и никогда таковыми не будем. Можешь избавить меня от этого? Меня всё это не интересует, – отвечаю я, даже не глядя на него.

– В последний раз, когда я видел тебя в Дивном, я..., – начинает он, но я тут же перебиваю.

– Данил, прекрати. Ты что, несчастлив в браке? Что происходит? Что тебе от меня нужно? – спрашиваю я, нацелив на него свои глаза. Он всегда говорил, что они пугают его. Так пусть и в этот раз побоится. Чёртов предатель.

– Я счастлив, Варь. Но спасибо, что спросила, – коротко отвечает он, отвернувшись обратно на дорогу.

У меня нет слов. Мне хочется исчезнуть, раствориться и больше никогда не слышать о Дане Викторове. Ненавижу.

Забиваюсь к двери, чтобы быть подальше и не ощущать взглядов, но он вдруг останавливает машину.

– Что такое? – спрашиваю я встревоженно.

– Сейчас посмотрю, – он выходит и направляется к капоту.

На улице уже темно, машин мало. И даже просить помощи элементарно не у кого.

– Похоже, движок перегрелся, – садится он обратно в машину. – Придётся подождать.

– Блин, сколько по времени? Мы не опаздываем? – спрашиваю я, глядя на часы.

– Тебя там все ждут в любое время. Подождут и лишние пятнадцать минут, расслабься, – говорит он, взглянув на меня своим странным взглядом. На секунду мне кажется, что я вижу его прежнего. Его зелёные глаза, словно калейдоскоп сменяются разными оттенками и фигурами вкраплений внутри.

Я вдруг понимаю, что уже очень долго смотрю на них и отворачиваюсь.

– Как зовут твоего ребёнка? – зачем-то спрашивает он с интересом.

– Не твоё дело, – отрезаю со злостью. Мне вообще не хочется слышать имя своего любимого сына из уст, которые я всей душой ненавижу.

– Ладно, – приподнимает он руки вверх. – Ты ненавидишь меня?

– Что? – спрашиваю, уставившись на него в изумлении.

– Ненависть. Это она? – дополняет он свой вопрос.

– Я даже объяснять тебе ничего не хочу, настолько ты мне противен, Данил, – отвечаю я, огрызаясь.

– Хорошо, а если спрятать своё сучье поведение? – внезапно спрашивает он, деловито рассматривая меня.

– Знаешь что, да пошёл ты! – я нервно выхожу из машины, хлопнув дверью, и иду пешком по трассе. Так и знала ведь, что это было дерьмовой идеей. Так нет же...

– И куда ты поедешь? Ты понимаешь, что в таком виде тебя, хрен знает куда, увезут и неизвестно, что с тобой сделают. Просто сядь обратно в машину, – настаивает он, направляясь за мной.

– О, тебе это известно, как никому другому! Не знаю, с кем ты там сидел в тюрьме, но не все вокруг преступники, понятно?! – спрашиваю с остервенением, заставив его сморщить лицо.

– Боже, что ты несёшь? Ты больная? Сядь в тачку, – кричит он мне в спину, но я уже устремляюсь вперёд, виляя бёдрами и выставив в сторону руку, чтобы показать ему «фак».

– Варя, блядь, сядь в чёртову машину! – кричит он вдогонку, но, не дождавшись ответа, плетётся за мной.

Буквально через несколько секунд мы оба слышим резкий звук тормозов, и передо мной останавливается незнакомая серая машина. Стёкла опускаются, дверь со стороны пассажирского сидения открывается, а внутри сидят трое подвыпивших мужчин.

– Эй, крошка, ничего себе, – свистит один из парней. – Слушай, поехали с нами.

– Да, детка, залезай, – молвит другой, открывая дверь шире, но я тут же инстинктивно подаюсь назад и утыкаюсь спиной в твёрдую горячую грудь Дани.

– Девушка со мной. Какие-то проблемы? – спрашивает он агрессивным тоном. Таким, от которого по моей коже бегут мурашки.

– Нет, никаких проблем, чувак. Поняли, уезжаем, – говорит этот парень, что сидит за рулем, и они торопливо ретируются, не желая связываться.

– Вот видишь, ты не понимаешь, как действуешь на мужиков?! Иди в машину, – указывает он назад, и я выдыхаю, вернувшись на своё место. Наверное, он прав, не стоит так бездумно привлекать внимание на вечерней трассе.

За это время движок остывает, а Дания открывает крышку радиатора и доликает туда выкипевший антифриз, машина заводится, и мы едем дальше.

– Пристегнись, – говорит он, глядя на ремень, но я нарочно остаюсь неподвижной. А он и так слишком раздражен из-за той ситуации с теми парнями. Я вижу, как его желваки дёргаются. Знаю ведь, как он злится. Помню... До сих пор.

– Ладно, я сам, – бесцеремонно тянет он руку, но я тут же дёргаюсь в сторону от одного этого движения, оказавшись в десяти сантиметрах от его лица, ощущая его ладонь с ремнём в районе своего плеча. Наши глаза встречаются. Паника. Столкновение. Мясо... Боль.

Всё происходит так быстро. Так чудовищно быстро и по-сумасшедшему неправильно. И наши губы вновь смыкаются в поцелуе почти одновременно, ощущая столько всего, что нечем дышать.

Он волочет меня на себя, усаживая на колени, и случайно издаёт гудок, задев руль, пока ёрзает руками по моей талии и спускается ниже, ухватив ягодицы и сжав их в больших тёплых ладонях. Поцелуи словно огонь. Мы оба ощущаем что-то неправильное. Безумное чувство.

И я всё время думаю о том, что веду себя, как сволочь по отношению к Диме. Пока он зарабатывает для нас деньги и не лезет ко мне с навязчивыми предложениями, я сижу на бывшем в чёртовом мустанге и позволяю ему лапать себя и толкать язык в мой рот. Но, блин,

почему это так приятно? Его ладонь тянется на мой хвост и оттягивает мою голову в сторону, открыв доступ к шее, на которой он тут же оставляет дорожку из поцелуев, заставив меня задрожать и всхлипнуть.

Кажется, он нашёл то самое чувствительное место у меня или вспомнил. И я уже не знаю, насколько глубоко готова сейчас зайти. Мои руки лежат на его плечах и боятся залезть в его волосы, потому что я знаю, что это – спусковой крючок. Одно движение, и пути назад уже не будет. Хотя бы часть логики остаётся на месте. Это уже меня радует. Но, ощутив его член между своих ног через ткань тонких брюк, я чуть не перешагиваю эту черту, начав торопливо расстёгивать его ремень, однако внезапно его телефон звонит, да так громко, что в моих ушах звенит мощный колокол...

Наши глаза открываются друг перед другом в безумной похоти, томная поволока сходит с радужек. Мы отрываемся друг от друга в ужасном ощущении стеснения и стыда. Тяжело дышим, и я тут же сползаю с него обратно на своё сидение, неловко опуская платье, и шлейф сожаления тянется за мной следом, а он смотрит на экран, выключив звук и заводя машину. В дороге я перезаплетаю хвост, заново крашу губы бальзамом. И весь следующий час мы едем молча, даже не глядя друг на друга.

Мустанг тормозит возле загородного дома, и я открываю дверцу, быстро удаляясь оттуда, а он кричит вдогонку:

– Хорошего тебе концерта!

Я даже не оборачиваюсь, у меня внутри коллапс после случившегося. Мне так неловко. Я ощущаю себя идиоткой. И лишь твержу себе под нос:

– Что я, нахрен, творю...

Машина уезжает, а я прохожу внутрь, где с дикими глазами на меня налетает сам Ромка...

– Варя, блин, где тебя носит, нафиг?? – кричит он на меня в истерике. – Нам выступить через пять минут!

– погоди, что?! – спрашиваю я, изогнув брови. – Ты не заболел?!

Я смотрю на экран телефона, там свыше сорока пропущенных от Ромки.

– С какой стати мне болеть? Как ты приехала???? Я приехал к тебе и ждал тебя, около пятнадцати минут долбил в дверь, но мне никто не открывал, я уже думал, ты кинула меня!!! – подталкивает он меня к центру зала.

Я буквально киплю от злости. Вот ведь ублюдок... Чёртов лжец и манипулятор...

Глава 4.

Варя Фоменко (Ледышка)

Ошеломлённая происходящим, я кое-как беру себя в руки. Блестящая игра на виолончели не может быть омрачена таким нелогичным, вопиюще непристойным поведением с его стороны. Антон Геннадьевич стоит посередь зала со своей красавицей женой и двумя детьми. Овации сыплются со всех сторон, и Рома очень доволен, неестественно улыбается, но, всё же, наклоняется и шепчет мне на ухо:

– Я чуть не словил сердечный приступ, с тебя поход в паб, – сияют его зубы от вспышек фотоаппаратов.

– Если бы ты знал, что случилось, ты бы не ставил условия, – бубню я в ответ.

– Что? О чём ты? – удивленно спрашивает он, всё ещё не меняя гримасу. А я тут же впадаю в краску.

– Ты хоть иногда можешь не улыбаться? Это безумно раздражает, – говорю я, сцепив зубы.

– И быть на всех фото как вы с Миллером? Нет, спасибо, – подытоживает он, кланяясь гостям.

– Я сто раз говорила и повторяю, не сравнивай меня с ним. Посмотри, какой он идиот, – я смотрю в сторону на парня, который зачесывает пятернёй свои прилизанные гелем волосы назад, словно расчёской.

– Ну да, есть такое, – смеётся Ромка. – В общем, рассказывай.

Когда мы отходим, я, хоть и со стыдом, рассказываю ему о случившемся, и Ромка, мягко говоря, охреневает на месте.

– Этот парень мне уже нравится. Ну ты и блудница, Варька! Знал бы – трахнул тебя раньше, – хохочет он на весь холл.

– Заткнись! – вновь шиплю я, уставившись на него в гневе.

– Воу-воу, успокойся, это же шутка. Всё, кроме блудницы... Ауч! – хватается он за руку после моего удара.

– Не трогай мои руки, это святое. Они приносят мне славу и деньги! – трёт он плечо. – Чёрт, такая маленькая, и так больно бьёшь!

– Ты получишь ещё не так, если будешь издеваться, – коротко отрезаю я, уставившись на подходящего к нам Антона Геннадьевича.

– Милая девушка, Вы сногшибательны. Я готов целовать Ромке руки за то, что он нашёл Вас, или песок по которому Вы ходили, – говорит он вслух, посмеявшись, и его жена касается моего плеча.

– У Вас непередаваемый талант. Я в восторге. Антоша говорил, что Вы потрясающе играете, но слышать это самой... Совершенно другой уровень, – нахваливает она меня.

Я не особо люблю слушать подобные речи, но признание важно для внутреннего «я». Дело, которое приносит тебе наслаждение должно быть оправдано и оценено другими.

– Я видел, Вас подвёз Даниил, а он сам не захотел остаться? – спрашивает Антон Геннадьевич, и я чуть ли не давлюсь собственной слюной. – Он нахваливал Вас ничуть не меньше. Говорил, Вы учились в одном городке. В одном университете.

– Да, было такое, – коротко отвечаю я, не желая разводить эту тему.

– Он также говорил, что был влюблён в Вас, но это неудивительно, – подмечает он, заставив меня застыть от неловкости. Господи. Он что это всё специально? Ещё и Антону Геннадьевичу что-то о нас рассказывал. Какой же козёл.

– Антооош, не вгоняй девушку в краску, – осекает его жена, состроив гримасу отрицания.

– Я не собирался, лишь подмечаю, сколько у Варвары Николаевны талантов, – сообщает мужчина, словно реально пытаюсь надавить на больное.

– Что ещё такого важного успел сообщить Вам Даниил? – спрашиваю я саркастически, уже будучи чуть ли не в истерике.

– Что Вы выбрали другого, – смеётся он, как будто это действительно столь забавно, блин. Обсуждать чужую личную жизнь.

– Антон Геннадьевич, хочу спросить Вас о концерте, запланированном на декабрь, – переводит тему Рома, пытаюсь его отвлечь, но он любитель посплетничать. Тема с моим личным, судя по всему, не даёт ему покоя.

– Что ж... Если бы я учился с Вами, взял бы автограф ещё тогда, – смеётся он, протягивая ей руку. – Насчёт концерта, я свяжусь с Вами, Роман.

Я недоверчиво даю в ответ ладонь, и Антон Геннадьевич целует её, галантно возвращаясь обратно в свой круг.

– Он рассказывал ему про тебя. Охренеть, – улыбается Ромка, еле сдерживая смех.

– Не смешно! – рявкаю я, услышав лёгкий звук телефонной мелодии из своего клатча.

– Ну, надо же. Это Дима. Я отойду.

Рома кивает, и я отвечаю на звонок, бродя по коридору. Если честно, почти ничего не чувствую, когда он звонит. Просто пустота. Я знаю, что он отец моего сына. Знаю. И поэтому держусь за сохранение этого брака. Ведь уже решила для себя, что семья и ребёнок важнее собственных чувств...

– Здравствуй, – звучит на том конце.

– Думала, потеряла тебя, – говорю я, язвя.

– Родная. Прости, пожалуйста. Я так устал от этих сделок... Но ты и представить не можешь, сколько я заработал, – со смехом говорит он, и я растягиваю губы.

– Миллион? – шучу в ответ, но слышу совсем не насмешливый голос.

– Бери выше, – твёрдо говорит он.

– Два миллиона? – спрашиваю я, улыбаясь. По сути мне плевать на эти цифры. И на деньги тоже плевать. Их всегда было в достатке. Мои родители всегда мне давали. И для меня это не представляет особой ценности.

– Десять, Варь, и это за месяц, – гордо озвучивает он цифру, и мне становится неловко. Потому что я, вроде как, и не пытаюсь высказать восхищение. А, наверное, должна...

– Значит, пока я выступаю за гроши, ты заделался миллиардером? – спрашиваю я и дохожу до пустой комнаты, прикрыв за собой дверь. На столе стоит фарфоровая ваза с моими любимыми белыми пионами, и красуется бумажка.

«Знал, что ты зайдёшь сюда, Ледышка. Позвони» с комбинацией чисел его номера. И снова меня словно током бьёт. Данил разрушает меня изнутри.

– Варь, ау, – слышится на том конце.

– Прости, я тут...отвлелась, – честно говорю я, сморщив лицо и засовывая бумажку в сумку. Сама не знаю, зачем. Ведь по-хорошему надо её сжечь. Вместе с воспоминаниями.

– Надеюсь, не на другого мужчину, – шутит он с ехидством, и мне вдруг становится ужасно стыдно.

– Нет, – а вот здесь мне приходится ему соврать.

– Это хорошо. Я спрашивал, может, мы, всё же, поедem всей семьей на отдых по моему возвращению? Как тебе Доминикана или Мальдивы? – спрашивает он бархатным голосом.

– Я скучаю, Дим... Так что, согласна на любую поездку, – отвечаю я, ощущая перед ним сильную вину.

– Ух ты, думал, будешь противиться, – смеётся он. – Как ты там? Как поездка на концерт? Ромка не пристаёт?

– Да он – дурак, ты же знаешь, – произношу я в шутку.

- Но твой лучший друг, – парирует он, заставив меня задуматься.
- Да уж... – соглашаюсь я, трогая цветы.
- Слушай, Варь. Мне пора бежать, – слышу на заднем фоне голоса, которые зовут его.
- Но я тебя люблю. И скучаю.
- Я тоже скучаю, пока, – отвечаю я, сбросив вызов, и не дождавшись прощания. Я себя столь неловко чувствую.

Дима из тех мужчин, что добиваются своих женщин любыми путями. Слава Богу, он мне доверяет. До него у меня был только Даня, и он знает, чем всё закончилось. Помнит, как мне было плохо. А я помню, как он поддерживал меня. Как болело сердце из-за того, что мой первый парень так подло со мной поступил. Мы ведь учились все вместе. В одном универе...

Его поддержка оказалась как нельзя кстати. Он берёт меня. Я нравилась ему ещё с первого курса, даже когда была с Данилом.

Голубые глаза, тёмные волосы, в меру симпатичный, ухоженный, добрый. То, что было нужно для меня. Тихая гавань. Тем более отцу он так нравился. Но я почему-то скучаю по нему лишь, когда его нет рядом. Это так ужасно. Стоит ему приехать и всё возвращается на круги своя. Ощущения огня нет. Оно появляется рядом с другим человеком. По какой-то неясной мне причине. Хотя я думала, что всё внутри уже давно погасло...

Я думаю, что причина в ненависти. Иногда я смотрю в зеркало и размышляю – как хорошо, что у Игоря глаза мужа. Иначе я бы видела в нём себя и подсознательно искала недостатки. Однако, Дима вызывает восхищение. Хотя бы тем, что терпит такую безнравственную, девиантную, эгоистичную особу, как я.

- Я устала, – подхожу я к Ромке. – Можем поехать домой?
- Да, но Антон Геннадьевич зовёт нас на барбекю, – улыбается он.
- Нет, Ром, я обещала Диме, что по возвращению мы поедем отдыхать, так что, даже не проси, – категорично заявляю я в ответ.
- Это будет почти через месяц, Варь. Он вновь приедет сюда семьей на лето по делам. Командировка уже запланирована. Вы успеете отдохнуть. Он хочет, чтобы ты была с мужем. Это ведь здорово, побудете вместе, – подталкивает он меня локтем.

– Не знаю. Подумаю, – говорю я и спешу на улицу, скорее сесть в машину. И, когда мой взгляд устремляется вдаль через окно на заднем сидении линкольна, я вижу стоящий вдалеке мустанг. Было очевидно, что он где-то недалеко, и вовсе не уехал. Но нужно положить этому конец.

Я дожидаюсь Ромку, и мы уезжаем. Пришло время прощаться. И по приезде домой, я быстро засыпаю от пережитого кошмара...

Надеюсь, мы с ним больше никогда не встретимся, чтобы не берeditь старые раны.

Глава 5.

Варя Фоменко (Ледышка)

Через неделю Дима возвращается домой. А за пару дней до этого я уже успела встретить в аэропорту его маму и Игоря. Женщина приехала погостить. Она у него достаточно резкая. Очень яркая, эксцентричная дамочка в шляпе, которая всегда заставляет меня нервничать, но Игорюшка буквально обожает своих бабушек.

Если сравнивать мою маму и Димину, между ними можно провести огромную черту, как разграничитель совершенно разных характеров и внешнего вида. Маргарита Григорьевна относится к подвиду сильных, но взбалмошных женщин. Тогда как моя мама обладает холодным умом и стойким нравом. Я похожа на мать и даже слишком, но только не в случае с любовью. Ведь они с отцом любят друг друга по-настоящему.

Я надеюсь, что это чувство отныне будет обходить меня стороной, но слова Антона Геннадьевича никак не выходят из головы. «Влюблён, выбрала другого».

Я всё время вспоминаю его последнее мне сообщение.

«Сорян, Варь, но ты была нужна только из-за денег твоего отца. Это была месть таким, как ты, не более того. Ты мне не нужна. Так что забудь всё, что было».

– Ну вот, иди сюда, хоть обниму свою жену, – Дима выдёргивает меня из негативных мыслей, прижимая к себе, и я ощущаю по всему телу мелкую, тревожную дрожь, которая говорит о том, что я – редкостная дрянь.

– Привет, – утыкаюсь носом в его грудную клетку.

– А где там мой сын?! Никто не видел? – с широкой улыбкой произносит он, глядя на Игоря. – Ну, ты и вымахал!

– Отсутствуй почаще, он ещё и не так вырастет, – подыедаю я его, скрестив на груди руки.

– Пап, – молвит сын, когда тот обнимает его и треплет по волосам.

– Извините, я без подарков, мне некогда было их приобретать, но зато с круглой суммой на счету, – улыбается он во все тридцать два.

– Это мы уже поняли... Твоя мама меня... – не успеваю я договорить, как сзади слышится писклявый голос.

– Сыыыноок, – обнимает она его. – Совсем отоцал. Ты что не ел?! А чего лицо такое бледное???

– Мам, да нормальное у меня лицо, – оспаривает он, качая головой, пока она дёргает его за щёки. – Слушай, прекрати, мне тридцать лет.

– Ну и что? Ты всегда будешь для мамы любимым сыном, – пропевает она, и я закатываю глаза, направляясь в столовую.

За ужином мы с Димой сидим вместе и противостояим его матери. Потому как она хочет поехать на курорт с нами, но Дима категорически против, а я и подавно, но её заманчивое предложение присмотреть за ребёнком, пока мы будем наслаждаться только друг другом, заставляет нас задуматься, и в итоге мы решаем согласиться. Выбор падает на Casa de Campo Resort & Villas в Доминикане.

Первая часть отпуска идёт прекрасно. Я действительно скучала по нему, хоть и не так явно, как ему бы этого хотелось, но больше, чем я могу себе позволить. Солнце я не особо люблю, поэтому почти всю дорогу не вылезаю из отеля, пока Игорюша и Маргарита Григорьевна гуляют по пляжу, ходят в бассейн и ездят по экскурсиям.

Я и Дима проводим всё время вместе, но ему приходится силой вытаскивать меня на улицу, чтобы показать хоть кому-то, что он не гордый одиночка. А я боюсь загара. Моя нежная кожа обгорает на ярком солнце за считанные минуты, поэтому я стараюсь быть в тени.

– Нет, слушай, я реально не могу. Ты не понимаешь, – ругается Дима по телефону, когда я спускаюсь вниз. – Я и так пробыл там столько времени. Я отдыхаю, чёрт, Марк!

– Успокойся, что случилось? – спрашиваю я, приобняв его сзади.

– Ничего, Варь. Я не соглашусь и точка. Неважно, – отсекает он, не ответив.

– Ладно, – отхожу я в сторону.

– Извини, это Марк. Говорит, что снова нужна моя финансовая помощь. Но я предупредил его, что буду с семьёй. Так дела не делаются, – сурово произносит он, заставив меня состроить напряженный взгляд.

– Ты ведь можешь съездить туда и прилететь обратно. Это ведь недолго. Максимум три дня. Мы подождём тебя здесь, – говорю я, положив ладони на его плечи.

– И они будут ездить на мне всю оставшуюся жизнь. Нет, Варь. Пусть ищут другого финансиста, – категорично заявляет он, обняв меня за талию.

– Проблем не будет? – спрашиваю я огорченно.

– Да мне похрен на эти проблемы. Для меня главное – вы, – утверждает он, вдыхая запах моих волос. И я уже забыла про то, что сделала, когда его не было, но неожиданно вспоминаю то болезненное чувство в груди, которое бьёт под дых. Мучает и терзает... И мне становится совсем невыносимо.

Ближе к позднему вечеру мы все сидим на берегу. Мальчишки купаются, а я смотрю на звезды. И внезапно, неожиданно для меня самый мой телефон вибрирует, пока Маргарита Григорьевна что-то рассказывает про свою молодость. Я не слушаю её, я погружена в свои мысли. Но, взяв гаджет в руки, моя душа улетает напрямик в пятки.

– Ты не написала сама. И я имел наглость узнать твой номер у Медведева. (Д)

– Какого чёрта?! Не пиши сюда больше. (В)

– Не могу. (Д)

– Нет, можешь. И больше писать ты не будешь. (В)

– Поспорим? (Д)

– Завтра я сменю номер (В)

– А телефон твоего мужа заканчивается на 5601? (Д)

– Ты охренел?! Отстань от моей семьи. Или я разрушу твою. (В)

Сообщения больше не приходят. Но меня всю трясёт от его наглости. Я ненавижу его и тот день, когда повелась на его манипуляции, которые сблизили нас. Телефон Димы лежит на берегу и внезапно так же вибрирует. Маргарита Геннадьевна, заметив это, тут же зовёт его. А у меня чуть ли не случается паралич конечностей от того, что происходит. Я бегом перехватываю его и уставившись на сообщение на экране, проглатываю ком. От Марка.

Твою мать... Слаба Богу, это не он...

– Милочка, ты чего? – удивленно смотрит на меня Димина мама, и я мотаю головой.

– Показалось, – скупно отвечаю ей, вернув его телефон на место...

Глава 6.

Даня Викторов

С того самого дня в машине она не выходит из моей воспалённой башки. Я не могу спать, не могу есть. Ночами представляю её голой в душе, и меня нервно потряхивает от ненависти к самому себе. Мне так стыдно перед Наташей. Так чертовски стыдно.

По утрам я увожу Кристину в школу, а Колю в сад. Я нормальный отец, вроде как, многие говорят, что даже заботливый и любящий, но теперь, кажется, что муж я просто отвратительный.

Ведь раньше я никогда не задумывался об изменах. Это было для меня самым мерзким, что могло происходить в браке. Если хочешь другую – уходи от жены, не обманывай её и не ври самому себе. Так я считал. Всегда. Но не теперь, когда встретил её снова. Ведь я прекрасно понимаю, что она никогда не будет со мной. Она никогда не откроет для меня своё сердце, и случайный секс – это всё, что светит нам, в лучшем случае. Но всё равно не могу, нахрен, угомониться. Слежу за ней, ищу в соц. сетях, даже узнал её номер. Всё это начинает походить на паранойю. Какую-то долбанную маниакальную зависимость от бывшей. Я тупо не могу прекратить всё это.

Периодически её образ всплывает и тогда, когда мы с Наташей находимся в постели, а это действует на психику так сильно, что я начинаю просыпаться раньше, чтобы бегать по парку до изнеможения. Наташа замечает эти изменения, но думает, что у меня какой-то кризис, потому что я всё время отнекиваюсь. Когда я женился на ней из-за случайной беременности, я сразу предупреждал, что моё сердце навсегда закрыто. Но она и слушать не стала. Сказала, ребёнок должен расти в браке, что ей всё равно люблю я её или нет, а мне хотелось давать хоть кому-то тепло, раз моя Ледышка так легко от него отказалась. И я выбрал малышку у неё в животе, которую сам же и назвал Кристиной...

Наташа училась с нами в одном университете, но на другой специальности. Мы знали друг друга ещё до наших отношений с Варей. Однако встречаться с ней я наотрез отказывался. Я в принципе не собирался заводить ни с кем отношений... Так уж вышло, что меня на это подбила одна единственная девушка, и то равным счётом нихрена для этого не делала... Варя Фоменко...

До сих пор вспоминаю насколько сильным был её укол в сердце.

Месяцы отношений... Наш первый раз и те болезненные слова, что она мне написала, когда меня задержали после того недоразумения с её отцом... Обвинив меня чуть ли не во всех смертных грехах, сказав, что всё, что между нами было – ошибка... И что она никогда бы не стала встречаться с таким нищевродом, как я. А после я узнал, что она состоит в отношениях с Димкой Олейником. Я их увидел... Она даже на суд мой не пришла. А мне дали условку. Два года...

Зато вот Наташу это не остановило.

Но её улыбка и золотые волосы отныне не приносят того утреннего комфорта, потому что я уже просыпаюсь подонком и не могу не испытывать отвращения к самому себе. Хорошо, хоть Кристина и Коля отвлекают меня от этого чувства, и я как можно больше времени провожу с ними и на работе, пытаюсь избавиться от ноющего в груди фантома.

Я даже добился всего только ради того, чтоб она узнала... Чтобы охренела и пожалела обо всём, но, естественно, она не жалеет. Она же замужем за одним из самых богатых челов, что учились в нашем универе. Кто бы сомневался...

Когда я взял её номер после того концерта, я выжидал целых две недели, боролся, сопротивлялся. Думал о том, что справлюсь. Но равным счётом нихрена не помогало. Даже объятия Наташи и её стоны казались чем-то чужим, чем-то не тем. Это сводит с ума хуже любого

психического расстройства. Ведь, по сути, десять лет брака стёрлись за одну сраную секунду рядом с ней. Что это? И как мне с этим тягаться? Я просто не знаю, что теперь делать...

Она снова попала прямо в сердце и заледенила его, будто грёбанная Снежная королева...

– Дань... Что такое? Ты стал отдаляться...

– Тебе кажется, – и снова я отнекиваюсь, уходя от разговора. Сейчас я занят домашними делами в гараже. Точнее, всеми силами пытаюсь это продемонстрировать.

– Дело в ней, да? Конечно... Всегда было в ней. Даня, десять лет прошло... Десять лет!

Смотрю на неё и внутри всё болит. Думает, я не знаю, сколько прошло??? Если я, сука, каждый день считал, как параноик.

– Мне нечего тебе сказать...

– Ты... Я думала, что ты забыл... Что отпустил. Не бывает ведь так, Дань. У нас уже двое детей... Я родила тебе!

Она ревет и не может успокоиться, а я не знаю, куда себя деть.

– Наташ... Она всё равно замужем... Это... Оно выветрится. Нам просто не надо видаться какое-то время...

– Нет, наоборот! Надо показать, насколько ты меня любишь. Вот что надо! А ты ведёшь себя совсем не так!

– Слушай, чё ты от меня хочешь?! Мне высрать то, чего нет? Сколько раз я тебя предупреждал???? И после рождения Кристины тоже! Я говорил давай 50 на 50... Давай жить порознь. А ты что сказала?!

– Понять не могу, как ты так можешь...

– Да, сука, твою мать!

– Мам, пап... – появляется наша дочка на лестнице в гараж.

– Малыш...

– Вы ругаетесь? – спрашивает она, нахмурившись.

– Нет, иди сюда, – зову я её.

– Мам, ты плачешь? – добавляет малышка, насупившись.

– Нет, просто твой отец... Ведёт себя, как... Я ушла...

Я, блядь, так устал наблюдать, как она манипулирует мной с помощью них... Мне кажется, я начинаю сходить с ума. Я их безумно люблю, но жизнь с этой женщиной начинает казаться мне адом. Потому что она никогда не понимала меня и отказывалась принимать мои собственные мысли... Словно я был нужен как картинка рядом. А теперь я чувствую себя последней сволочью. Хочу подать на развод... И всё время думаю, как это отразится на них.

– Пап... Ты же любишь маму?

– Конечно, – киваю я и смотрю на неё. – Ты, главное, знай, Кристина, что что бы между нами с мамой не происходило, вас я буду любить всегда. Вне зависимости от наших взаимоотношений...

Мне приходится давить в себе всё, что я на самом деле чувствую. И это зашло слишком далеко. Сегодня же я скажу ей о том, что с меня хватит... Сегодня я сообщу, что нам пора принять взрослое взвешенное решение о разводе, и будь что будет...

Глава 7.

Варя Фоменко (Ледышка)

По возвращении из отпуска, я сменила номер. Строго приказала Ромке никому его не давать и решила съездить с Димой на барбекю к Антону Геннадьевичу.

Конечно, этот день не предвещает ничего хорошего, кроме палящего солнца и духоты. Ромка вчера скинул адрес, и я уже заранее знаю, что, скорее всего, мой бывший тоже будет там. Но перспектива счастливо выглядеть рядом с мужем и разбить ему сердце для меня всё же на первом месте.

Мы берём с собой и Игоря. Я не собираюсь делать с собой что-то особенное. Надеваю белую блузу с коротким рукавом и белые брюки палаццо, чтобы на солнце было не так мучительно. Но мы взяли с собой и другие вещи, в том числе, естественно, для купания и каких-то спортивных мероприятий, ведь Антон Геннадьевич любитель подобного.

Когда мы заезжаем туда, первым делом мой взгляд бегло осматривает все машины. Мустанга нет, и я выдыхаю, успокоившись и подумав, что мне повезло. Но знакомый смех сзади заставляет меня обернуться. Рядом носятся двое ребятшек. Точные копии его жены, разве что волосы похожи на отцовские. Кудрявые локоны девочки закрывают всю спину, и я неприятно ёжусь, увидев, как его супруга кидает на меня свой взгляд. Ну, точно же... Это же Наталья Дубровская. Офи-ге-ть. Он всё-таки на ней женился...

– А вот и они, – произносит, откуда не возьмись, Антон Геннадьевич. – Твой неуловимый Дмитрий, дорогуша.

– Здравствуйте, наслышан, – протягивает он руку.

– Роман уже приехал. Как и Даниил со своей семьей, – ехидно улыбается Антон Геннадьевич, пожирая меня глазами. Мне кажется, для него это лишь какая-то игра, где нас представляют как шахматные фигуры на доске. – Познакомьтесь, Дима.

У меня внутри что-то клинит. Я не ожидала их контакта друг с другом. И, увидев, как рука Дани пожимает руку моего мужа, и как его супруга недоброжелательно на меня смотрит, я погружаюсь в какую-то панику. Меня всю передёргивает. Как же неприятно... Чёрт возьми, я и не думала, что будет достигнут такой эффект.

– Наслышана о Вашей игре, мне так и не удалось это прочувствовать, прямо перед концертом Данилу стало плохо, – говорит она с сожалением, но её голос звучит так гадко и подозрительно. У меня нюх на людей, и она мне не нравится. Тогда я знала о ней лишь то, что она хотела встречаться с Даней, больше ничего. И она сто процентов меня помнит. Я по её лицу вижу. Не знаю, к чему весь этот цирк.

– Очень жаль, – отвечаю я, и Данил внаглую приобнимает меня при всех, наклонившись к уху.

– Не жалею, – звучит его шёпот, и глаза сверкают таким огнём, что я дрожу и дёргаюсь от него в сторону.

– Дмитрий, очень рад встрече, – молвит Даня, взяв супругу за талию.

– Да, я тоже, приятель. Напомни, чем ты занимаешься? – с пренебрежением спрашивает Дима, улыбнувшись. Словно не помнит о нём ничего, но это же не так. Я знаю, что он помнит и про наши отношения, и про всё, что тогда случилось. Только они оба играют в какую-то игру и притворяются, фиг знает для чего.

– У Данила теперь своя риэлтерская фирма, – говорит за него эта Наташа, пожимая руку Диме.

– Что ж... Всё понятно, – молвит он. – Принести тебе вина? А то ты какая-то напряжённая. – поворачивается он ко мне.

– Да, можно. Я пока найду Ромку, – говорю я, удаляясь вглубь зала и просверлив Данила осуждающим взглядом.

Красное полусухое оказывается очень вкусным, но я позволяю себе лишь один бокал прежде, чем Антон Геннадьевич пригласит нас на задний двор стрелять из лука. Это конкурс, на который я с радостью согласилась. Что может быть проще, чем переплюнуть кого-то в стрельбе. На расстоянии пятьдесят метров установлено несколько мишеней, и я ехидно ухмыляюсь этому.

– Ну, что же Вы, народ, из всех гостей вышла одна мадам, – парирует Антон Геннадьевич. – Я, пожалуй, присоединюсь. А Вы, Дмитрий?

– Она переплюнет здесь любого, не хочу быть опозоренным, так что, я пасс, – сдаётся он сразу, смеясь и отпивая вино.

– Что ж. Досадно. Даниил Александрович? – смотрит он на него.

– А я попробую. Чем чёрт не шутит, – подходит он ко мне, выбирая место и оружие. – Подвинешься?

Его дьявольская улыбка раздражает до нервного истощения.

– Зачем вызвался? Мог и не идти. Я знаю, ты не умеешь стрелять, – сурово озвучиваю я, готовясь к выстрелу.

– Хотел посмотреть вблизи, как работает профи, – отходит он назад, ухмыльнувшись.

Моя рука аккуратно натягивает тетиву, осанка всегда словно струна в статике, прямая и неподвижная. Одна стрела, вторая, третья, – все попадают по мишеням. Точно в цель. Аплодисменты и восторженные реплики доносятся от остальных гостей. Но я уже привыкла к этому.

Однако не успеваю я обернуться, как Данил принимается стрелять за мной, но находясь при этом немного левее. Первая, вторая стрелы точно в яблочко, рядом с моими, а третья и вовсе пробивает лопасть моей и отскакивает в сторону.

Мой взгляд сначала фокусируется на увиденном, не веря в происходящее, а потом я смотрю на него в полном недоумении. Где он, блин, научился? Ладно, я... У меня отец этим занимался. И меня учил, а он? Обычный мальчишка из Дивного?

– Это ещё как называется?! – спрашиваю я в изумлении, пока все хлопают ему.

– Что? – улыбается он, поправляя волосы. – Здоровая конкуренция.

К нему тут же подбегает его супруга и виснет на нём, целуя в губы, а я неловко отворачиваюсь, испытывая злость и отвращение. Он и сам слишком резко оттягивает её за талию в сторону.

– Эй, стой, Наташ. Мне нужно сначала убрать амуницию.

– У нас, кажется, не будет победителя, – говорит Антон Геннадьевич с улыбкой. – Я даже боюсь братья за стрелы, после такого выпада.

Пока все смеются, я подхожу к Диме.

– Я пойду в дом, хочу переодеться, – предупреждаю я, указав на грязь на брюках снизу.

– Хорошо, слушай, Варь, а что это было? Ты знала, что он тут будет? – спрашивает он следом, хмурия брови. Будто чувствует что-то... В голосе точно сквозит ревностью и обидой.

– Нет, не знала. Понятия не имела, – отвечаю я честно.

– А ощущение, что ты до сих пор что-то к нему...

– Нет, вовсе нет, – злюсь я, отрезав.

– Ладно, иди, – отпускает он меня, взглянув с недоверием. Прекрасно... Я и так еле уговорила его поехать сюда.

Я молча ухожу оттуда, метнув жестокий взгляд на Данила и его пессию. Он тоже смотрит. Но иначе... Мягче, что ли...

На всех комнатах имеются таблички, наш багаж уже внутри. Я захожу и достаю из верхнего отсека сумки спортивные вещи для отдыха. Обычную футболку, спортивный лиф и серые шорты со шлёпанцами. Всё, чего я хочу – быстрее уехать оттуда, и даже немного не понимаю,

зачем вообще сюда приехала. Дура. Антон Геннадьевич хотел познакомиться с Димой. Что ж... Достойное оправдание. Руки снимают брюки, аккуратно сложив их на кровати, а затем я стаскиваю блузку через ворот.

И как раз в тот самый момент, когда я, стоя к двери спиной, расстёгиваю свой белый, кружевной лиф, сюда заходит Даня, даже не постучавшись, и просто зависает, не подавая признаков жизни...

– Блядь... С-с-сука... – сыплется отборный мат из его уст, пока я стою перед ним с голой задницей, на которой едва заметны белоснежные кружевные стринги, а мои руки уже прижимают к груди спадающий бюстгальтер.

– Выйди! – кричу я грубо, пока мои внутренности сгорают дотла от стыда и стеснения... Нет, он это точно специально сделал... Козлина.

Глава 8.

Варя Фоменко (Ледышка)

Сердце бьётся в сомнениях. Я прекрасно понимаю, что он стоит там. За дверью. И что он видел меня в белье, что уже просто невероятно странно и дискомфортно. Переодевшись, я беру себя в руки и выглядываю в коридор.

– Что ты хотел? – спрашиваю холодным, расчётливым тоном.

– Поговорить, – выдыхает он, глядя на меня в смятии. И я приоткрываю дверь чуть шире.

– Заходи, – говорю, осмотревшись.

– Я понимаю, как это выглядит, – произносит Даня растерянным голосом, ощущая на себе мой ледяной взгляд. – Ну, вот, ты смотришь на меня, и я забыл, что хотел сказать.

– Мне отвернуться? – спрашиваю я без эмоций.

– Дело не в этом. Ты не понимаешь, как на меня действуешь, – мямлит он, стараясь не смотреть мне в глаза. – Я ощущал и ощущаю вину перед женой. За всё, что было между нами. И я знаю, что нужно прекращать это.

– Так прекрати, – резко перебиваю я его.

– Если бы я мог, я бы давно так и сделал! – парирует он в ответ, потирая ладонями, и всё же смотрит в мои глаза. – Я не могу не думать о тебе.

Он подходит ближе. Дыхание сбивается. Кажется, что температура в помещении достигает максимума.

– Но придётся, Данил, – скупко отвечаю я, ожидая совершенно другого. Он стоит в метре от меня, и мне очень хочется вновь поцеловать его. Та энергетика, которую он мне даёт, разжигает во мне внутренний огонь. Его пальцы касаются моего лица. Нежно, почти неощутимо. Но я успеваю закрыть глаза, думая о том, как ненавижу себя за то, что позволяю ему себя трогать.

– А что если это не просто так, Варь? Что, если мы с тобой... – он подходит в упор и аккуратно проводит кончиком носа по моей щеке, отчего я вся покрылась мурашками. Мягкие губы касаются моей скулы, оставляя обжигающий поцелуй.

– Даня, прекрати, – судорожно произношу я, не в состоянии сдвинуться с места или оттолкнуть его. Всё тело дрожит и перевозносится. – Данил...

Он двигается в сторону шеи, бережно сгребая мои волосы в кулак. Я бы не смогла выбраться из его хватки при любом желании. Но, конечно, самым важным является то, что я и не хочу этого вовсе. И в моих фантазиях мы с ним давно делим территорию на этой огромной кровати. Господи, стыдобище...

– Скажи, как мне прекратить это... Как мне... Остановиться, Ледышка, – он придавливает меня за талию к своему телу, ладонями проскальзывая через резинку шорт в область моих ягодиц. – Блядь. Твою мать. – ругается он себе под нос.

Всё моё тело тает от его касаний, а мысли плывут, и я не могу сосредоточиться, чувствуя его тёплые ладони на своей заднице. А ощущение того, что это совершенно неправильно, ещё сильнее сводит меня с ума. Нажимает на спусковой крючок у моего виска.

– Я не знаю, – шепчу я в его губы, обвив крепкие плечи руками. – Не знаю, что делать.

– Я тебя хочу, – абсолютно по-сумасшедшему заявляет он, впиваясь губами в мои, и уже пытается стянуть с меня шорты, как вдруг внезапно в моей голове щёлкает, и я отталкиваю его со всей имеющейся силы.

Грудь тяжело вздымается. Я поправляю одежду, тревожно глядя на него, и прекрасно понимаю, что это полное безрассудство. То, что мы творим, совсем не поведение двух взрослых людей, а скорее, подростковые шалости, причём, тесно переплетающиеся с другими людьми. В ловушке, созданной нами, находятся и наши партнёры. А так нельзя. Это бесчестно и жестоко.

– Ты был прав, нужно держаться подальше, – говорю я, застыв в двух метрах от него и глядя на то, как открывается дверь нашей с Димой комнаты. Меня чуть не хватает удар. Перспектива быть застуканной заставляет меня закашляться.

– Варь, – замирает Дима в дверях с напряжённым оскалом, не сводя глаз с Дани, и я дёргаюсь. Хорошо, что я соображаю на ходу и искусно лгу, но... Он всё равно что-то чувствует. Я ведь не слепая.

– Да, Дим, Данил просто спрашивал про нашего общего знакомого, он перестал выходить на связь, извини, – сочиняю я, как мертвец, но при этом ощущаю, как в кровь поступил бешеный выплеск адреналина.

– М-м-м... Может я знаю этого вашего знакомого, в одном универе ведь учились, – с недоверием спрашивает он, чуть ли не скрипя зубами от напряжения. У Дани тоже играют желваки. Господи, надеюсь, они не раздерутся прямо здесь...

– Нет, ты его не знаешь, он с подготовительных, – добавляю я, пока Даня направляется к двери.

– В общем, раз ты больше ни о чём не знаешь, тогда я оставлю его поиски. Может он просто не желает общаться.

– Да, скорее всего так и есть, – соглашаюсь я с ним, и он кивает, покидая комнату.

Я думаю, что со стороны наше представление точно выглядело, как абсурд. Надеюсь, Дима не начнёт истерику... Я не вынесу этого.

– Всё нормально? Ощущение, что вы не случайно здесь вдвоём оказались, явно не из-за какого-то там знакомого, – с подоплёкой переспрашивает Дима, уставившись на меня. – О чём вы говорили?!

– Ни о чём, и нет, это не так, – вру я, уже будто на автомате.

– Ладно, не связывайся с ним, и я хотел сказать, что Антон Геннадьевич ждёт нас на площадке, и сам хотел переодеться, – психованно лезет он в сумку за вещами.

– Да, конечно, я хочу пить, – я выскакиваю из комнаты, как безумная, и забегаю в туалет, захлопнув за собой дверь и включив воду.

Мой взгляд смотрит на себя в зеркало с осуждением. Дешёвка. Дрянь. Потаскуха. Всё это про меня. Я чуть не попалась. Зайди Дима минутой раньше, и нашему прекрасному браку пришёл бы конец. Две семьи были бы разрушены из-за нашей оплошности.

Я умываю лицо, беру себя в руки и направляюсь на площадку к остальным, где все другие жарят барбекю и распивают спиртное. Наташа странно себя ведёт. Бокал за бокалом она пьёт ледяное шампанское и, разумеется, пьянеет. Данил держит её за талию и почти всё время уворачивается от её назойливых объятий.

– Ты совсем перебрала, – помогает он ей отойти в сторону.

– Ты вообще меня хоть капельку люююбииишь? – строит она жалобное лицо.

– Наташа, мы договаривались. Крайний раз. – хмурится он в ответ.

– Ты такой холодный, – мямлит она, пока он уводит её оттуда.

– Нет, Наташа, пойдём, ты отдохнёшь, – он ведёт её в дом, взглянув на меня. Я хорошо понимаю, что уже даже наши вторые половины ощущают подвох. И, если Дима обычно далеко и может не заметить моё странное поведение, то Наташа точно проводит с Данилом каждый день. Естественно, она что-то чувствует. Вот чёрт...

Я виновато смотрю на Диму. Он помогает Антону Геннадьевичу правильно наливать на барбекю маринад. Смеётся и чувствует себя здесь, как дома, точнее, кажется, что делает вид, ведь всё равно поглядывает на меня с подозрением, прожигая своими голубыми.

– Дмитрий, а Вы на все руки мастер, – говорит он, приобняв супругу.

– Жарить мясо не так сложно. Сложно грамотно его подать, – подмечает он, повернувшись ко мне. – Милая, подай вино.

Я протягиваю ему бокал, и он немного отливает от него в маринад.

– А вино раскроет вкус ещё лучше, – объясняет Дима Антону Геннадьевичу. Я допиваю бокал, глядя на него. Игорёк и другие дети играют в летающую тарелку, всё время забываю, как называется эта игра. Я вижу, как они бегают, и слышу весёлые, задорные голоса. Но внезапно звучит какая-то ругань и визги со стороны. И я направляюсь туда.

– Ай, отстань! – кричит мой сын, и я уже бегу, видя, как они с дочкой Данила дерутся.

– Что происходит, Игорь?! А ну, извинись, она ведь девочка, так нельзя, – прерываю я его, взяв за руку.

– Но она первая начала!!! – возмущается он, обиженно глядя на меня. Внезапно из дома на крики прибегает и Даня. Замечательно. Просто чудесно...

– Так, что случилось? Криси? – ласково спрашивает он у дочери.

– Он не давал мне тарелку, – жалобно говорит она, опустив взгляд.

– И? – гладит он её кудрявые волосы.

– Пап... Ну ты ведь сам учил, что нужно стоять за себя, – ноет девочка, скрестив на груди руки.

– Малыш. И что ты сделала? – нежно спрашивает он, поднимая за подбородок её взгляд.

– Она меня пнула! – жалуется Игорь, ответив за неё Дане.

– Ябеда, – показывает она язык.

Я чуть ли не падаю в обморок от такой странной ситуации, но отвожу сына в сторону.

– Сынок. Я и сама не сторонница гендерных различий. Но, смотри. Она слабее. Можно обидеть словом, но не применять физическую силу в ответ. Либо использовать приёмы, которые не причинят другому боли, – говорю, присев перед ним на корточки.

– Я знаю. Просто она противная, – с гневом выдаёт Игорь, глядя на меня своими голубыми глазами.

– Слушай. Игорюш, если ты не хочешь общаться с ней, то просто не будешь, – говорю я, в то время, как Данил наоборот пытается объяснить дочери, что нужно дружить со всеми и не пинать никого без повода. У нас всегда разные складывающиеся характеры, вот и направленности в воспитании тоже отличаются.

Дети разбегаются в разные стороны, так ничего и не решив, а мы остаёмся стоять на месте, как истуканы.

– Она не похожа на тебя, – тихо говорю я уставшим, потерянным голосом.

– Твой мальчишка на тебя тоже. Разве что характером, – улыбается он, посмотрев на меня.

– Это не твоё дело, – ухожу я оттуда, будто ужаленная им. Отчего-то мне становится неприятно, что мы столкнулись в такой ситуации, и я быстро направляюсь в дом. Но дело даже не в ссоре наших детей, а в том, что меня к нему тянет. Вопреки всем странным ситуациям, что возникают вокруг.

– Варь, погоди, – догоняет он меня уже почти на входе в дом. – Наверное, я мог сказать что-то не то. Я не хотел обидеть тебя или как-то...

Моя рука крепко обвивает его ладонь. Наверное, это и есть тот момент, когда всё летит к чертям. На этот раз что-то подталкивает меня к нему. Решимость, что нужно дать себе шанс. Почти во всём доме стоит тишина, и свет погашен. Я молча провожу его на второй этаж по лестнице и открываю первую попавшуюся комнату. В ней пусто. Мы оба заходим туда совершенно без вопросов и лишних разговоров, закрыв за собой дверь на щеколду.

– Нужно просто сделать это и нас отпустит, – говорю я, снимая с себя шорты.

– Отпустит? Ты серьёзно? Да я, блядь, сплю в машине, потому что ночью думаю о тебе и ухожу туда. Утром встаю раньше всех и иду бегать, как придурок, потому что... – не успевает он договорить, как я впиваюсь в его губы своими, ощутив прилив любовной энергетики.

Мужские руки поднимают меня, передвигая моё тело по комнате, как пушинку, и растапливают на кровати. Залезая сверху, Данил фиксирует большие ладони на моих запястьях и целует меня... До боли внизу живота...

Глава 9.

Данил Викторов

Я уже не могу терпеть, блядь. Страсть застилает разум. Член ноет в изнеможении. Мне не терпится трахнуть её, да так, чтобы она не смогла забыть этого. Она лежит подо мной, нетерпеливо стаскивая с меня шорты и футболку, оставляя в одних чёрных боксерах, и сексуально закусывает губу. Ровно так же, как десять лет назад... Блядь, до сих пор это помню. Как Ледышка становилась в моих руках безвольной растекающейся лужицей...

– Теперь ты, – говорю я, залезая ладонью под её футболку и лиф, нащупав грудь. Соски, как твёрдые горошины, перекатываются между пальцами, заставляя её извиваться. Всё ноет от иступления. Она опускает вниз мои шорты, и я чувствую, что вот-вот взорвусь от напряжения.

– Просто трахни меня, я уже не могу, – потирает она меня, пытаюсь снять с меня последнюю деталь моего гардероба, и трогает через ткань мой до одури возбужденный член. Только от одних этих движений можно кончить, но перспектива погрузиться в Фоменко намного выше всего этого.

Мои пальцы цепляют белое кружево и медленно стягивают вниз, касаясь её кожи как бы невзначай. Я оставляю её перед собой абсолютно голой и невинной, и заморожен её внешним видом. Как когда-то в первый, сука, раз... Я в раю... И в ужасе, потому что мне столько раз это снилось. Снова и снова...

Её припухшие от поцелуев губы раскрываются от испытываемого возбуждения, а глаза блестят в темноте комнаты лунными отблесками перламутра. Я уже это видел... Я уже это делал... Думал, что никогда больше не смогу это ощутить...

Одно только касание моих пальцев взрывает мозг до того, что я рассыпаюсь на частицы, а она очень громко всхлипывает, сводя брови домиком.

И это лишь одно наше секундное взаимодействие. Твою мать... Всё по новой. С Наташей никогда так не было. Почему с ней никогда так не было???

Моя вторая ладонь тут же прикрывает ей рот с целью сделать её тише, и я склоняюсь прямо над ней, достав презерватив из кармана шорт и снимая свои боксеры. В это мгновение чувствую себя хищником на охоте.

Стоит только провести пальцами от пупка вниз по лобку, дразня и нежно переходя ей в пах, она сжимает ноги, блокируя доступ к себе, заставив меня улыбнуться. Я рву упаковку и растягиваю на себе защиту, тяжело дыша и возбужденно глядя на неё.

– Ты такая красивая, Варя, – аккуратно отвожу её колено в сторону и провожу членом по влажной плоти. – Я скучал...

Я не собираюсь спрашивать. Ждать. Ломаться. Одновременно с поцелуем, я делаю это первое движение в неё, выбивающее из меня все внутренности. Почему с ней вот так? Я думал, что это лишь кажется таковым. Что в итоге не будет ничего особенного, что я всё выдумал, но её еле слышимые стоны в моё ухо, тело, ласкающее моё в ответ и эти глаза, в которых можно утонуть, не отпускают.

Я вдруг с ужасом понимаю, что это нихрена не просто секс. Не желание, не похоть, а что-то более ненормальное. Но не может ведь это быть затянувшаяся подростковая влюбленность? Слишком наивно, слишком сложно и до одури глупо.

Выражение моего лица меняется, пока мы смотрим друг на друга. Я реально боюсь того, что к ней чувствую. Столько лет я думал, что иначе и не бывает. Не помнил, забыл, что можно ощущать этот шквал эмоций к одному единственному человеку. Мои движения становятся интенсивнее, а руки бродят по ней, будто за невозможностью найти себе место. Я то сжимаю её бедра, то ласкаю грудь и обхватываю ладонями тонкую шею, заставляя её выгибаться передо мной как тонкую струну.

Она вдруг резко отталкивает меня, переворачивая на лопатки и усевшись сверху, и отсюда вид на неё ещё прекраснее. Такая хрупкая, но жестокая, и полностью в моих руках. Однако осознавать, что она не моя и никогда не станет моей – ужасно неприятно. Но самым ужасным является то, что глядя на неё я понимаю, что должен был быть её единственным. Во всяком случае, по восприятию моего тела. Осознание этого пиздец как болезненно. Но ничего уже не вернуть назад. У нас обоих семьи.

Однако в этот момент мы с ней будто находимся в другой реальности, где всё это время, границы стёрты. Где нет гравитации, я парю в невесомости. Только рядом с ней... Она столь размашисто двигается на мне, будто раскачивается на волнах безумия. И, вспоминая всю боль между нами, то отвратительное поведение и момент, когда я на самом деле решил, что её отец действительно может помочь мне с деньгами, я чувствую себя идиотом. Не нужно было вообще связываться с её семьёй. Не нужно было портить себе жизнь... Секс пропитан этим переизбытком старых эмоций. Таких разных и таких неправильных. Даже сама наша встреча сто процентов является ошибкой.

Я хорошо помню тот момент, когда она перестала быть для меня скалой, бесчувственным камнем, пустышкой. Когда я доломал её баррикады, заставив обратить на себя внимание. Мою Ледышку всегда было не просто покорить, и я удивлён, что она так легко купилась на деньги Олейника, ведь у её семьи и своих не мало, но, видимо... Богачи, как и грязь, притягиваются...

Я помню эти глаза, в которые сейчас смотрю. Кожу, которой касаюсь. Губы, которые целую. Это ужасный опыт. И сейчас, когда она сидит на мне голая в тёмной комнате, я ощущаю себя как никогда паршиво, но и прекрасно одновременно. В первую очередь, мы с ней обманываем самих себя и друг друга, а уже потом других людей.

Она кончает, сотрясаясь на мне, под натиском моих рук и движений. Доит меня, как сумасшедшая. Я уже и забыл, каково это с ней. Размазало за считанные минуты... Тогда как с Наташей я порой вообще не могу кончить... Опускаю её на себя, чтобы хоть на секунду ощутить, каково это – держать её хрупкое тело в своих объятиях, забыв обо всём другом... И мы оба сейчас чудовищно неправы. Обманщики, предатели, слабаки. Я хотя бы обозначил перед женой, что ухожу. Я хотя бы сделал это, а она? Она по-прежнему принадлежит ему... Она его жена. Его женщина. Меня от всего этого колотит.

Касаюсь её позвоночника и трогаю густые волосы, поднося их к носу, чтобы вдохнуть её запах, пока она лежит на моей груди своим голым телом. На секунду мне даже кажется, что наши сердечные ритмы звучат в унисон. И между нами что-то образуется... Какие-то нити... Сплетения наших с ней душ.

– Нам пора, – торопно слезает она с меня, одеваясь, но я перехватываю её запястье.

– Если ты равнодушна ко мне, скажи, – шепчу ей с молящим взглядом.

– Я не знаю. Всё зашло слишком далеко. Но нам нужно было сделать это, – отчеканивает она на автомате. Конечно, она борется с самой собой, но циник в ней всегда одерживает победу.

– Это? – спрашиваю, удивившись. Мне больно, потому что я уже наломал дров ради неё. И не сказать, что моё решение бы изменилось, но... Я хочу, чтобы она хотя бы раз была со мной честной.

– Закрывать гештальт, – ровным тоном говорит она, пытаюсь казаться бесчувственной и безразличной.

– Так для тебя это просто гештальт? Ну и как, закрыла? – спрашиваю я, надевая шорты.

– Закрыла, – отвечает она чётко, но внутри у меня столько сомнений. Я никогда не мог её разгадать, и слушать это один хрен больно.

– А если я скажу, что для меня это было большим. Для меня ты – большее, чем просто то, что я не исполнил или не сделал, – говорю я, выворачивая перед ней душу наизнанку. Меня нещадно трясёт от испытываемых эмоций.

– То я скажу, что сочувствую тебе, – отвечает она со стеклянным взглядом. Словно постоянно пребывает в каком-то забвении. Прячется за своей ледяной стеной, чтобы никто не смел лезть ей в душу.

– Ты реально не меняешься. Вроде, я вижу в тебе ту девочку, которая готова открывать своё сердце. Но, как только я близко, ты становишься этой холодной стервой, которая не видит ничего, кроме старых обид, – высказываю я, встав с кровати. – Кому станет легче, Варя? Кому? Потому что точно не тебе и явно не мне.

– Не кричи, нас могут услышать, – перебивает она, уставившись на меня хмурым взглядом. – Большого я не могу тебе дать. Прости. Но я уже давно не та девочка, да и ты не тот мальчик. Мы взрослые, и у нас есть семьи.

– Думаешь, я не знаю?! Я знаю, Варя. Именно поэтому схожу с ума с момента, как тебя увидел, и не знаю, что мне делать, – слегка повышаю я голос.

– Всё просто, Даня. Я решу за нас обоих. Это был один раз. Мне понравилось. И на этом история закончилась. Каждый вернулся к своим обязательствам, – резко обрывает она, продвигаясь к двери.

– То есть, ты не дашь нам шанс? – спрашиваю в растерянности.

– Какой ещё шанс? Конечно нет! – возражает она в панике, открывая дверь, и я обиженно выдыхаю:

– Ясно. На что я, блядь, только надеялся... У Олейника, наверное, круглый счёт в банке на твоё имя, не то, что у меня, нищebroда. Конечно, – улыбаюсь я натянутой улыбкой, а она разворачивается обратно.

– Что? Да как ты смеешь?! Ты мне ещё за деньги что-то будешь говорить??? Ты! Который бросил меня, потому что я была тебе не нужна. Воспользовался ради денег моего папы, чтобы ограбить его! Выкрал ключ от его офиса!

Не могу сказать, что я сейчас в шоке. Потому что там напрашивается немного другое слово. Я тупо охуюваю от того, что я сейчас услышал.

– Варя, какую хрень ты несёшь?

Мне кажется, у меня в момент отказывает вся внутренняя нервная система. И сколько бы я не пытался жать и давить на какие-то красные кнопки, рычаги, не работает, сука. Всё идёт по пизде в одночасье.

– Я несу?! Подлый предатель! – добивает она словесно.

– Я не понял... Ни слова не понял. Объясни мне!

– Что ты не понял, Даня?!

Я хватаю её за плечи и не позволяю выйти.

– Я, блядь, ждал, что ты придёшь на мой суд. Я ждал, чтобы хотя бы объясниться, как я попал в то место, почему меня тогда задержали. Потому что твой отец сказал, что поможет мне с моим, с той операцией. Что он оставил для меня деньги. Он мне сообщение прислал, адрес и сообщил, где лежит ключ... Но потом при задержании у меня забрали телефон и никакого сообщения уже там не было... Ничего не было. Я не мог ничего доказать. Но я ждал, что ты появишься и дашь хоть какие-то показания. Только ты так и не пришла.

У неё слезятся глаза. Они такие покрасневшие, что мне становится страшно. И Варя не моргает. Она растерянно смотрит на меня и бормочет:

– Потому что... Ты бросил меня... Ты бросил... Ты написал... Что я не нужна.

– Я не писал тебе этого. У меня даже телефона не было в тот вечер. Это ты написала, что я не нужен... Потому что я – нищebroд. Что всё между нами было ошибкой. Что ты поторопилась...

– Даня... Я не... Я не понимаю, о чём ты говоришь...

У меня по телу проносится лютейшая дрожь. И меня шкивает как в ураган. Шторм. Цунами. Всё сразу. Кажется, что я в бесконтрольном хаосе несусь из стороны в сторону и не

знаю, где смогу вылезти из этой смертельной воронки. Закрутило так, что я даже Вариных глаз теперь разглядеть не могу. Всё накрыто пеленой воспоминаний и боли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.